

Американские образы СССР в 1945 году

Печатнов В. О.

Множественное число здесь выбрано не случайно, поскольку, во-первых, образов СССР в американском сознании того периода было несколько, а, во-вторых, они постоянно видоизменялись как по своему содержанию, так и по соотношению между собой. В данном докладе рассматриваются доминирующие тенденции в развитии образа СССР в массовом сознании и средствах массовой информации США, а также представления о Советском Союзе в экспертном сообществе военных, дипломатов и разведчиков. При этом главное внимание уделяется второму аспекту, хотя между ними имела тесная взаимосвязь, поскольку общественное мнение и СМИ во многом шли за государственной пропагандой и экспертными оценками.

К окончанию войны в Европе американские представления об СССР на обоих этих уровнях уже прошли в своем развитии несколько этапов:

- первым из них был канун и самое начало советско-германской войны, которому соответствовал сугубо негативный образ Советского Союза как враждебного, ущербно-слабого государства, которое не выдержит натиска вермахта и потому не заслуживает американской помощи. Известное высказывание сенатора Г. Трумэна о желательности взаимного истребления двух тоталитарных режимов наглядно отражало это представление, а позиция президента Ф. Рузвельта — оказание помощи советской стране как потенциальному союзнику — была скорее исключением из этого правила;
- второй этап — с осени 1941 по конец 1943 гг. — характеризовался инверсией американских оценок советских намерений и потенциала под впечатлением мощного отпора вермахту на восточном фронте. СССР представлялся все более сильным, жизнеспособным и дружественным государством (образ «нормализующейся после революционной России»)¹, «доблестным союзником» во время войны и в организации послевоенного мира. Пик этих представлений не случайно пришелся на Тегеранскую конференцию, ставшую символом сотрудничества «большой

тройки» в разгроме «стран оси» и послевоенном мироустройстве. Ярким примером этой инверсии образа СССР может служить разворот журнала «Тайм» и её владельца Г. Льюса от яркого антисоветизма начального этапа войны к позитивному изображению СССР и его вождя в 1942–1943 гг. Но и в этот период отступивший на второй план антисоветизм сохраняет свои позиции в некоторых военно-дипломатических и разведывательных кругах;

- третий этап (1944 — начало 1945 гг.) дал на фоне коренного перелома в ходе войны новый образ СССР как военной сверхдержавы. Именно на этом этапе стали нарастать межсоюзные противоречия по вопросам будущего Польши и Восточной Европы в целом, обращения с Германией и др. В США все чаще задумывались над тем, как СССР распорядится этой своей новой мощью, как далеко продвинется на запад, какую геополитическую цену потребует за решающий вклад в победу? Эти опасения стали добавлять «экспансионистские» краски в образ СССР, способствуя более напряженному отношению к советскому союзнику. Наиболее выпукло эти опасения отразились в работе планировщиков госдепартамента (так называемый «комитет Ноттера») и его «советского» звена (посол в Москве А. Гарриман, глава военной миссии в СССР генерал Дж. Дин), а также в публикациях «большой прессы»².

Ялтинская конференция на время пресекла этот сдвиг, вызвав подъём оптимизма в отношении перспектив союзного сотрудничества. Но он продолжался недолго — уже в марте-апреле последовало послеялтинское охлаждение, вызванное растущими разногласиями по польскому вопросу, Румынии, «бернским инцидентом» и другими раздражителями. Согласно опросам общественного мнения, проведенным по заказу госдепартамента, уровень удовлетворенности союзными отношениями снизился с 74% в апреле до 53% в конце мая; причем главным виновником их ухудшения считался СССР: уровень доверия к Советскому Союзу сократился с 52% в марте до 45% в мае³. К победному маю 1945 года общественное и экспертное

Печатнов Владимир Олегович — доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО-Университета; e-mail: vestnik@mgimo.ru

мнение США в отношении СССР оказались на распутье: в них шла борьба двух основных тенденций в оценке СССР — «ялтинских и рижских аксиом» (используя известную метафору Д. Ерджина)⁴.

«Ялтинцы» (сторонники Рузвельтовского подхода — Г. Гопкинс, Г. Моргантау, Г. Уоллес и др.) продолжали считать СССР нормализующимся государством с легитимными интересами безопасности. Они были убеждены, что его антизападные комплексы могут быть изжиты правильным обращением со стороны Запада, прежде всего — признанием в качестве законного участника международных отношений (члена «семейного круга» великих держав, как говорил Ф. Рузвельт в Тегеране). Они предупреждали об опасности ужесточения американской политики, которое грозит привести к «ощетинившейся России» и расколу Европы на два враждебных блока.

Вместо этого предлагалось снять советские опасения за счет заключения военно-политических договоров о демилитаризации Германии и Японии, интернационализации Рура, учёта советских запросов по черноморским проливам, безотлагательного предоставления крупных кредитов на восстановление экономики СССР⁵.

Сторонники «рижских аксиом» исходили из того, что СССР — неисправимое, имманентно враждебное Западу государство, движимое не законными интересами безопасности, а стремлением к экспансии, которое является сплавом «российского империализма» и большевистской идеологии. Сочетание враждебных мотивов с грозным военно-стратегическим потенциалом (СССР как единственная сила, способная взять под контроль Евразийскую сушу), по законам геополитической логики превращало Советский Союз в следующего после «стран оси» противника США и Запада в целом. Отсюда — необходимость «сдерживания» и противодействия в отношении этого противника.

Первым наброском конкретной стратегии, вытекавшей из такого образа СССР, можно считать доклад Управления стратегических служб (апрель 1945) под названием «Проблемы и цели политики Соединенных Штатов». Советский Союз изображался в нем уже почти сложившимся «евразийским гегемоном», способным в силу сохраняющихся у него «экспансионистских устремлений» «стать для США самой зловещей угрозой из всех известных до сих пор». Хотя авторы еще оставляли небольшой знак вопроса над советскими намерениями, США, утверждали они, «никак не могут ждать, пока русская политика обнаружит себя полностью», с принятием мер по предотвращению этой пусть даже пока еще потенциальной угрозы. Ибо «подавляющим императивом ситуации является будущий (курсив мой — авт.) военный потенциал России и та огромная угроза, которую она будет представлять Соединенным Штатам, если преуспеет в объединении ресурсов Европы и Азии под своим контролем».

Для борьбы с этой угрозой предлагалось создание противовесов «советской экспансии» в Европе и Азии. В Европе это должен был быть «западно-европейский-средиземноморско-американский блок» с опорой на Великобританию, «сильную Францию» и западные зоны Германии. В азиатско-тихоокеанском регионе считалось необходимым создать новый баланс сил, как минимум — уравновесить советское влияние в Китае и получить «доминирование» над Японией; в дополнение к этому — укрепить военно-политические отношения с Австралией и Новой Зеландией. Кроме того, предлагалось укреплять внутренний пояс обороны США в Западном полушарии за счет вовлечения стран Латинской Америки в «долгосрочный пакт безопасности»⁶.

Эти мрачные выводы и рецепты, удивительно точно предвосхитившие основы стратегии США в «холодной войне», при жизни Ф. Рузвельта не получали поддержки в верхнем эшелоне администрации. Военные ещё нуждались в советской помощи для разгрома Японии, СМИ и общественное мнение не освободились от инерции антифашистских и союзнических отношений. Показательной была позиция самого массового еженедельника страны: «Война была революцией против моральных основ цивилизации, — писал журнал «Тайм» на следующий день после капитуляции Германии. — Она была задумана нацистами в духе сознательного презрения к человеческой жизни, достоинству и свободе и велась методами порабощения и массового уничтожения гражданского населения. Это была революция против самой души человека»⁷.

Пока ещё не было сомнений и в том, кто внёс наибольший вклад в победу над этим адским злом. «Заслуга русских на вечные времена состоит в том, что они с готовностью заплатили за это гораздо большей кровью, чем любой другой народ, — продолжал «Тайм», — Для народа, который после столетий угнетения в отличие от западного мира ещё не успел испытать и даже осознать благ цивилизации, это явилось особенно великим вкладом».

Эта презумпция «полуварварской России», ещё не вкушившей плодов цивилизации, но спасшей Запад от его собственных демонов, предполагала либо постепенное превращение её в нечто более цивилизованное и близкое Западу (надежды «ялтинцев»), либо возвращение в свое исходное «варварское» состояние и необходимость ответных мер (рецепты адептов «Рижской аксиомы»). Однако «ялтинская школа» постепенно утрачивала свои позиции и «рижские аксиомы» обозначили направление дальнейшей эволюции американских оценок летом-осенью 1945 г., в которых советский военный потенциал будет становиться все более мощным, а намерения — все более агрессивными.

Можно выделить следующие вехи этого переосмотра. Первая — май 1945 г. Окончание войны в Европе резко ослабило нужду в советском союзнике,

а смерть Ф. Рузвельта и приход в Белый дом Г. Трумэна открыл внутренние шлюзы для набравшей силу антисоветской линии. Быстро менялась и линия государственной пропаганды, призывавшей теперь «не замалчивать трудностей» между союзниками⁸.

Вторая вежа — подготовка к Потсдамской конференции, в ходе которой произошло заметное ужесточение стратегических оценок СССР в военно-разведывательном истеблишменте США. Наглядным отражением этого сдвига может служить подготовленный к Потсдаму доклад Оперативного управления штаба сухопутных сил под названием «Позиции США в отношении советских намерений экспансии». Эта «экспансия» характеризовалась в нем как глобально-неограниченная по целям и «оппортунистическая» по методам. Районом «наибольшей стратегической угрозы» считалась Турция. Выход СССР на Карское плато и Проливы виделось как начало «двойного охвата Малой Азии». После этого открывалась перспектива распространения советского контроля на Эгейское море и Восточное Средиземноморье⁹.

Третья вежа — окончание войны с Японией (полностью устранившее военную зависимость от советского союзника), Хиросима (усилившая жесткость американского подхода), срыв Лондонской сессии СМВД, показавший растущую несовместимость интересов недавних союзников. На этой стадии особенно важным был внешне незаметный, но очень существенный сдвиг в позиции военного командования. Разработанная к концу августа «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США» исходила из того, что «единственной ведущей державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках ООН, является СССР»¹⁰.

Пока ещё это было гипотетическое планирование на случай «наихудшего варианта» — «развала отношений между ведущими странами и возникновения угрозы третьей мировой войны», наиболее вероятным *casus belli* в которой считалось «продемонстрированное намерение» СССР захватить Западную Европу или Китай¹¹. Тем не менее, предложенная КНШ «Стратегическая концепция разгрома России» стала быстро обретать плоть конкретных военных планов: уже в октябре 1945 г. был разработан первый из таких планов, предусматривавший стратегические бомбардировки 20 крупнейших советских городов с использованием атомного оружия¹². Геополитическая логика и планирование по «наихудшему варианту» дополнялись опасениями развала созданных в годы войны вооруженных сил и военно-промышленно-научного комплекса США в условиях отсутствия новой большой угрозы¹³.

Таким образом, за какие-то несколько месяцев в военно-стратегическом планировании США Советский Союз превратился из союзника в противника. Даже симпатизирующий Пентагону военный историк М. Столер пишет об «удивительной скорости» этого пересмотра, который по существу привёл к полной

смене «стратегической парадигмы»¹⁴. Дипломатия США перестраивалась медленнее военных, но к концу 1945 и в госдепартаменте уже перестали звучать голоса «ялтинцев».

Быстро менялось и отношение американского общественного мнения к СССР. Окончание войны в сочетании с жесткой советской политикой в Восточной Европе, массовыми реквизициями и эксцессами поведения военнослужащих Красной Армии в Германии и других освобождённых от фашизма странах быстро стирали в массовом сознании недавний образ «славного союзника», воскрешая гораздо более глубокий западный стереотип «варварского нашествия с востока». Сами массовые контакты советских и американских военнослужащих на этих территориях порождали не только атмосферу братания.

Документальные свидетельства о впечатлениях американцев от своих русских союзников, анализируемые военной разведкой США, рисовали весьма противоречивую картину. Отдавая должное храбрости советских солдат, их единодушному порыву «дойти до Берлина», американские офицеры в то же время отмечали «задиристость», «слабую дисциплину» и «пьянство» русских, грубость в отношениях с местным населением, «открытую критику и даже презрение в отношении союзных войск на западном фронте». Резал глаза американцам и «диковский», на их взгляд, внешний вид красноармейцев, примитивные условия их содержания и низкий уровень бытовой культуры.

«Поскольку наши взгляды, мораль и подготовка во многом противоположны, а американцы так же задиристы, как и русские, возникнут большие проблемы, когда эти две петушинные нации сойдутся», — говорил один из опрошенных офицеров, советуя начальству сводить эти контакты к минимуму¹⁵. Поведение американских военнослужащих в оккупированной Европе также было далеко не безупречным. Об этом свидетельствовали многочисленные сигналы с мест разведчиков и дипломатов США¹⁶. Но, так или иначе, культурно-цивилизационные различия между двумя «петушиными нациями», державшиеся под спудом в годы войны, теперь всё больше выходили на передний план.

Другим фактором этого сдвига стала новая позиция СМВД и официальной пропаганды. СМВД, освободившись от цензуры и необходимости успокаивать общество относительно надёжности американских союзников, быстро дрейфовали к гораздо более критическому взгляду на СССР, «союзнический нарратив» быстро менялся на конфронтационный.

К весне 1946 мотивы и характер советской политики трактовались в Пентагоне уже только однозначно, по аналогии с фашистской угрозой: СССР стремится к «доминированию над Евразией и стратегическими подступами к ней», а «многие аспекты внешней и внутренней политики Кремля разительно напоминают политику Гитлера перед Второй миро-

вой войной»¹⁷. Для военных планировщиков образ СССР сливался с образом нацизма как ещё одна, и потенциально более опасная разновидность тоталитаризма. Условной точкой формирования консенсуса в отношении нового образа СССР в элите можно считать распространение в Вашингтоне нашумевшей «длинной телеграммы» Дж. Кеннана весной 1946.

Но общественное мнение ещё отставало от этого пересмотра. В администрации Трумэна решили, что американское общество нуждается в дополнительном «просвещении» относительно «подлинных намерений» Советского Союза и ставок в разворачивающейся «холодной войне». Именно эта идея «создания информированного общественного мнения» прошла красной нитью через основные документы президентской администрации марта-мая 1946 г., намечавшие новые военно-стратегические установки в отношении СССР — материалы Координационного комитета представителей госдепартамента и военных министерств.

В них особо подчеркивалась необходимость борьбы с бытующими в стране «ложными представлениями» об СССР и его политике, среди которых выделялся «миф» о том, что внешнеполитические цели Советского Союза имеют ограниченный характер и продиктованы его стремлением к безопасности и подозрениями в отношении мотивов Запада. Иными словами, искоренению подлежали те самые «ялтинские аксиомы» — представления военных лет, которые служили психологической опорой рузвельтовской политики¹⁸.

Постепенно кампания по «просвещению» общественности относительно «советской угрозы» давала свои плоды. Вектор общественных настроений все больше поворачивался в сторону явно негативного образа СССР и отпора «советской экспансии». Анализируя данные ведущих опросов общественного мнения, бюро общественных связей госдепартамента в конце октября 1946 делало следующие выводы:

- «явное большинство американцев (70%) считает главным мотивом СССР не обеспечение собственной безопасности, а «контроль над миром»;
- 76% опрошенных выступает за сохранение или ужесточение нынешней политики в отношении СССР (и только 13% — за более мягкий курс);
- 70% «отвергают критику нашей внешней политики Генри Уоллесом». Большинство сторонников Уоллеса, подчеркивали эксперты госдепартамента, придерживаются «убеждений прошлых времен относительно России, считая, что она, прежде всего, стремится к своей безопасности и что ей можно доверять в сотрудничестве с США», но по «этим двум пунктам они явно идут не в ногу с большинством опрошенных»¹⁹.

Общее отношение американцев к СССР, миновав первую послевоенную стадию равнодушия, становилось все более враждебным. За какой-то год

с небольшим после победы над общим врагом образ вчерашнего «доблестного союзника» сменился образом «империи зла» в то время, как вчерашние враги превращались из «бошей» и «гуннов» в новых союзников. Моральный релятивизм этой скоропалительной инверсии коробил лишь самых придиричивых критиков американского общества. Так, знаменитый в те годы писатель Артур Миллер, квалифицировал такой сдвиг как «нечто низкое». «Этот внезапный разворот, это переклеивание ярлыков «добро» и «зло» с одной нации на другую лишали смысла само понятие мира, хотя бы в теории основанного на морали. Если вчерашний друг смог так быстро стать сегодняшним врагом, то какой реальностью после этого вообще может обладать добро и зло?»²⁰ — вопрошал он.

Эта вторая по счету инверсия образа СССР давала благодатный материал для советской пропаганды, воскресившей старый русский мотив о «неблагодарном Западе», получивший теперь новое подтверждение. «Читаешь и удивляешься, как быстро изменились советские люди. — саркастически отозвался об этой метаморфозе А. Жданов в своем торжественном докладе от 6 ноября 1946 г. — Когда лилась наша кровь на полях сражений, восхищались нашей храбростью, мужеством, высокими моральными качествами, беспредельным патриотизмом. И вот теперь, когда мы в сотрудничестве с другими народами, хотим реализовать свое равное право на участие в международных делах, нас начинают поливать потоками ругани и клеветы, поносить и заушаты. Приговаривая в то же время, что у нас якобы несносный и подозрительный характер»²¹. Не случайно хлесткий риторический ход Жданова пришелся по душе главному пропагандисту СССР: внимательно просматривая проект доклада, Сталин добавил в этот пассаж лишь три слова о «высоких моральных качествах»²².

Одно в этих оценках и образах останется неизменным — демонстрационный эффект великой победы, предельно наглядно продемонстрировавшей огромные мобилизационные возможности и военную мощь Советского Союза. Как с большевистской прямотой говорил об этом начальник Совинформбюро С. А. Лозовский на совещании армейских пропагандистов-международников в мае 1946 года: «... Битиё определяет сознание — и то, что мы набили морду, это усвоено многими, и они начинают представлять себе, что Советский Союз представляет силу, а силу всегда уважают, любят или не любят, это другой вопрос, но всегда уважают»²³.

Действительно, если «любовь» — морально-политический капитал страны-освободительницы был быстро подрастерян уже в первые послевоенные годы, то страх и уважение к советской военной мощи и ее человеческому ресурсу остались надолго. Это касалось как профессионалов — военных и дипломатов, так и простых американцев. Закрытые опросы общественного мнения, проводившиеся в конце 1940-х гг. по заказу госдепартамента, показывали, что

■ История

«наибольшее впечатление на жителей Соединенных Штатов производят многочисленность русского населения и очевидная боевая эффективность Красной Армии»²⁴.

Этот страх способствовал сползанию мира к «холодной войне», но он же помог ей остаться холодной. Еще долгие годы СССР жил на проценты с капитала великой победы. Покуда была жива память о ней и

об «известного рода ущербе, который влечёт за собой нападение на Россию», как говорил на заседании «комиссии Литвинова» в 1944 г. академик Е. В. Тарле. Он предвидел «воздействие» этой памяти в «еще предстоящие тревожные времена»²⁵.

Примечание

1. Подробнее об этой эволюции восприятия СССР в годы войны см.: Mark E. October or Thermidor? Interpretation of Stalinism and Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927- 1947// The American Historical Review, Vol.94, N 4 (October 1989), p.945–951.
 2. Подробнее об этом сдвиге см.: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: советско-американские отношения в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, с. 158–162.
 3. Memorandum for the President: Latest Opinion Trends in U.S.A. May 25, 1945 // H.S.Truman Library, President's Official File, Confidential File, Trends (Public Opinion), 1945.
 4. Yergin D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, p.VII.
 5. Подробнее см. Печатнов В.О. США: скрытые дебаты по «русскому вопросу» весной 1945 г. // Новая и новейшая история, 1997, № 1, с.114–118.
 6. Problems and Objectives of United States Policy. 2 April 1945 // National Archives (далее — NA), Record Group (далее — RG) 334, Subject Files (OSS). Полный перевод этого документа см. Печатнов В.О. США: скрытые дебаты по «русскому вопросу» весной 1945 г.
 7. Time, May 13, 1945, p.3.
 8. Department of State to American Legation, Bern, April 18, 1945 // NA, RG 59, DF, 740.0011EW/4–1945.
 9. U.S. Position With Regard to General Soviet Intentions for Expansion (6 July, 1945) // NA, RG 165, Exec. File 5, Item 21a.
 10. Strategic Concept and Plan for the Employment of the United States Armed Forces. 27 August 1945 // NA, RG 165, ABC 092 (18 July 1945), Sec 1-A.
 11. JCS 1518/3 (13 October 1945); Memorandum for the Chief of Staff by R.Lovett, 12 October 1945 // Ibid.
 12. Bombing Targets in Russia, (JCS 80/5)22 October 1945 // NA, RG 165, ABC 384 UN (17 July 44), Sec.1-A.
 13. См.: Печатнов В.О. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании США и СССР на послевоенный период // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. М., 2009, № 1, с.124–125.
 14. Stoler M. Allies and Adversaries. The Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. Strategy in World War II. Chapel Hill, 2000, p.268–269.
 15. Memorandum for the Assistant Chief of Staff, G–1, 19 April, 1945 // NA, RG 59, DF, 740.0011 EW/ 3 — 945. См. также: Costigliola F. “Like Animals or Worse”: Narratives of Culture and Emotion by U.S. POW and Airmen behind Soviet Lines, 1944–1945 // Diplomatic History, November 2004, p.760.
 16. См., например, сообщения о грабежах и насилиях американских военных в Бельгии и Германии (Ch.Sawer to SecState, March 8, 1945 // NA, RG 59, DF, 740.0011. EW/ 3 — 845; US Embassy (Paris) to M. Freeman, September 6, 1944 // NA, RG 59, Records of M.Freeman, Alphabetical Correspondence, 1942 — 1947.
 17. Political Estimate of Soviet Policy for Use in Connection with Military Studies, March 22, 1946 // Library of Congress, W.A.Harriman Papers, Correspondence File, Cont.186.
 18. (J.Hickerson) Memorandum for the Secretary, SWNCC, July 8, 1946 // NA, RG 59, DF, 711.61/6 — 1946; Ph.Mosely to Mr. Thompson, July 15, 1946 // Ibid., 711.61/7 — 1546.
 19. U.S. Public Opinion on Russia, October 31, 1946 // NA, RG 59, DF, 711.61/ 10–3146).
 20. Цит. по: Sanders F. Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War. London, 1999, p.16.
 21. Правда, 7 ноября 1946 г.
 22. РГАСПИ, ф.17, оп.128, д.884, л.99 об.
 23. РГАСПИ, ф.17, оп.128, д.870, л.97–98.
 24. Attitudes Toward U.S.-Russian Relations (October 1948) // NA, RG 59, DF, 711.61/10–48.
 25. Архив Внешней Политики РФ, ф.06, оп.2, п.8, д.4, л.110–111.
-